

«Стоит ли извиниться перед Хань Линем?»

«Может, я вчера перегнул палку?»

«Он ведь парень неразговорчивый, а тут аж застонал от боли. Вдруг затаит обиду и вообще перестанет со мной общаться?»

«Да ладно, мы же мужики в конце концов. Да и семьи наши сто лет друг друга знают, не должен он быть таким мелочным».

«И всё-таки... надо извиниться?»

Вернувшись домой, Линь Цзунцзе всю ночь ворочался в постели, так и не сомкнув глаз. Стоило ему вспомнить, как он бросил Хань Линя одного в классе и ушёл не оборачиваясь, как на душе становилось тошно.

Да и Хань Линя винить не в чем — Цзунцзе и сам понимал, что повёл себя как придурок.

Он полночи ломал голову, как теперь показаться на глаза их невинному, правильному учебному старосте. Прокрутив в мыслях десяток сценариев и отрепетировав столько же приветственных фраз, Линь Цзунцзе в конце концов раздражённо брыкнул ногами.

«Да пошло оно всё к чёрту! Стал я ещё перед ним распинаться!» — мысленно выругался он и наконец заставил себя закрыть глаза.

Благодаря упорству, с которым Хань Линь взялся за его перевоспитание в последнее время, Цзунцзе почти перестал опаздывать в школу. Даже домашнее задание, в котором он ни черта не смыслил, теперь не оставалось пустым: он наугад тыкал варианты в тестах и наобум записывал пару-тройку знакомых формул или иностранных слов.

Кое-как собравшись, он поплёлся в школу. К его удивлению, когда он вошёл в класс, до звонка оставалось ещё целых пять минут. Опрокинутый вчера стул Хань Линя, сдвинутые парты первого ряда и разлетевшиеся по полу книги — всё уже стояло на своих местах, аккуратно прибранное.

Цзунцзе невольно перевёл взгляд на стену, к которой прошлым вечером прижал старосту. Ему почти физически почудилось, как этот хрупкий парень в одиночку копошится на полу, молча и терпеливо убирая устроенный им разгром.

Хань Линь пришёл в класс вместе со всеми, прямо под звонок. Выглядел он как обычно — ни

тени вчерашней обиды или злости. Цзунцзе то и дело украдкой косился на него, но тот лишь невозмутимо потягивал соевое молоко, повторял иностранные слова и набрасывал в тетради план сочинения по литературе.

Перед первым уроком всегда наступал неизбежный момент сбора домашней работы. Когда староста требовательно постучал изящными пальцами по его парте, у Цзунцзе предательски ёкнуло сердце.

— Домашка, — коротко бросил Хань Линь.

На самом деле Цзунцзе всё сделал. Но стоило ему наткнуться на этот холодный взгляд, как язык словно сам повернулся.

— Не сделал, — буркнул он.

Хань Линь едва заметно нахмурился, задавая дежурный вопрос:

— Почему?

— Не захотел.

— И это, по-твоему, причина?

— Да отвяжись ты от меня! — раздражённо бросил Цзунцзе и отвернулся.

На душе было скверно. Хань Линь никогда об этом не упоминал, но Цзунцзе прекрасно знал: когда староста уносил тетради в учительскую, его работы учителя даже не открывали — никому не было дела до отстающего спортсмена. Хань Линь забирал его тетрадь обратно и проверял сам. Все эти размашистые галочки, исправления ошибок и оценки выводил лично староста. Уж его-то почерк Цзунцзе узнал бы из тысячи, как бы тот ни пытался его изменить.

— Чтобы к концу обеденного перерыва всё переписал и сдал мне.

— У меня сборы, некогда.

— У тебя травма ноги. Я уже переговорил с твоим учителем по физподготовке и написал заявление. Этот месяц ты безвылазно сидишь в классе.

— Это ещё с какого перепугу?! — Цзунцзе со свистом швырнул учебник на парту и резко поднялся. Стул под ним с грохотом отлетел назад.

Спортивная закалка давала о себе знать: встав во весь рост, он оказался на полголовы выше старосты и навис над ним грозной скалой.

Гул утреннего чтения в классе мгновенно стих. Притихшие одноклассники затаили дыхание, предвкушая зрелище. Сун Чэн испуганно обернулся, а сам он был в неприкрытом ужасе: «Твою мать, неужели наш Президент сейчас пустит в ход кулаки?»

Однако Хань Линь даже бровью не повёл. Он поднял глаза, и в его взгляде появилось то самое выражение, которого Цзунцзе боялся больше всего на свете, — ледяная отрешённость. Так смотрят на пустое место или на случайного прохожего, который не вызывает ровным счётом никаких чувств.

Эта безучастность уязвила Цзунцзе сильнее любого оскорбления.

— На том простом основании, что я учебный староста, — безэмоциональным голосом произнёс Хань Линь. — Собирать и проверять твои работы — моя прямая обязанность.

— Да ну? А я тогда, по-твоему, кто? Спортивный староста! Что-то я не припомню, чтобы читал тебе нотации, когда ты забивал на каждую физкультуру!

Хань Линь промолчал.

Поняв, что уел соперника, Цзунцзе победно ухмыльнулся. Ему безумно нравилось доводить Хань Линя, видеть, как тот злится или теряет самообладание. Только в такие моменты сквозь эту маску идеального ученика пробивались живые эмоции. Только тогда становилось понятно, что перед ним обычный парень из плоти и крови, а не бездушный робот.

В расписании девятого класса физкультура значилась всего дважды в неделю, да и те часы вечно отбирали преподаватели других предметов. До перевода Цзунцзе эту должность занимал какой-то хлипкий очкарик с линзами толщиной с пивное донышко. Когда Цзунцзе забрал у него эти полномочия, бедолага от радости притащил ему кусок торта и со слезами благодарности на глазах тряс его руку: «Чувак, спасибо тебе огромное!»

Сразу видно, насколько «престижным» в их ключевом классе считался этот пост.

Цзунцзе презрительно фыркнул. Он краем уха слышал, что сегодня учительница английского собиралась забрать их урок физкультуры под свой тест. Но ему было плевать. Как только прозвенел звонок, он размашисто шагнул к учительской трибуне, засучил рукава и с грохотом обрушил кулаки на стол, вылитый бандит, пришедший выбивать долги.

— Так, слушать мою команду! — гаркнул он на весь класс. — Всем немедленно построиться на стадионе. Сегодня у нас зачёт по бегу: девчонки бегут восемьсот метров, парни — полтора километра. Кто не уложится в норматив — будет пересдавать каждое божье утро, пока не

сдаст!

Он обвёл тяжёлым взглядом притихший класс. Ученики застыли с ручками и тетрадями в руках, глупо хлопая глазами от неожиданности.

— Сун Чэн, — зычно скомандовал Цзунцзе, — повёл толпу на выход!

— Но... — Сун Чэн растерянно замялся. — Президент, у нас же сейчас английский...

— Какой к чёрту английский! Живо на стадион! Если через три минуты в классе останется хоть одна живая душа, я лично выкину её в окно!

В кабинете повисла мёртвая тишина.

Понимая, что с этим психом спорить бесполезно — иначе он действительно превратит их жизнь в ад, — Сун Чэн мысленно вздохнул, решив поддержать авторитет друга. Сцепив зубы, он первым поднялся из-за парты и направился к выходу.

Дурной пример заразителен: за ним потянулся второй, третий... Дисциплинированность учеников ключевого класса сыграла на руку — уже через пару минут класс опустел, и все послушно побрели на спортивную площадку.

Единственным, кто даже не пошевелился, остался Хань Линь. Он лишь мазнул по бунтарю равнодушным взглядом и снова уткнулся в тетрадь.

Цзунцзе подошёл ближе и с издёвкой постучал по его парте, точь-в-точь копируя недавний жест самого старосты.

— На выход. Шагом марш на стадион.

— Не пойду, — отчеканил Хань Линь, даже не подняв головы.

— Это ещё почему?

В ответ — молчание.

— Не хочется? — Цзунцзе ехидно повысил голос, передразнивая старосту: — А «не хочется» — это, по-твоему, причина?

Хань Линь глубоко вздохнул, сдерживая раздражение, и процедил сквозь зубы:

— Оставь меня в покое. Я больше не лезу к тебе, а ты не лезешь ко мне. Идёт?

— С чего бы это? Когда ты сказал, что я не сделал домашку, я взял и всё переписал!

Цзунцзе выудил из рюкзака исписанные листы и демонстративно швырнул их прямо перед носом старосты.

Хань Линь открыл тетрадь, и он тут же нахмурился.

— И кто это за тебя написал?

— Сам написал. От и до.

— И это твой почерк? — Хань Линь скептически посмотрел. На листах красовалась такая безумная, размашистая вязь, словно её выводил профессор медицинских наук во время сложнейшей операции. Разобрать, где там буква «А», а где «Б», было решительно невозможно.

— Проблемы со зрением? Когда у меня хорошее настроение — пишу аккуратно. А когда хреновое — уж извини, как умею.

И тут он не врал. Когда Линь Цзунцзе злился, он сам с трудом мог разобрать собственные каракули.

— Полюбовался? А теперь марш на стадион. Я любимчиков не завожу, исключений ни для кого делать не буду.

Хань Линь лишь закатил глаза и проигнорировал выпад. Но стоило ему потянуться к ручке, чтобы продолжить работу, как Цзунцзе бесцеремонно обхватил его за талию. Секунда — и мир вокруг перевернулся. Цзунцзе легко, словно пушинку, закинул старосту себе на плечо.

Этот наглец действительно просто взял и утащил его на плече!

— Ты что творишь?! — возмутился Хань Линь, начиная брыкаться, но чем сильнее он дёргался, тем крепче Цзунцзе сжимал его ноги.

— Несу тебя на физкультуру, — невозмутимо ответил тот.

— Немедленно отпусти!

— Сегодня ты пробежишь эти полтора километра, хочешь того или нет. Ты у нас учебный староста, а я — спортивный. Мы оба члены школьного комитета, так что нечего воротить нос

от моих распоряжений!

Несмотря на юный возраст, Цзунцзе по комплекции превосходил большинство сверстников. Хань Линь бился у него на плече, словно выброшенная на берег рыба, но быстро понял, что силы неравны, и затих.

Когда они спустились на первый этаж, прямо над ухом Цзунцзе раздался тихий, слегка приглушённый голос:

— Отпусти. Я сам пойду.

— Сразу предупреждаю: я легкоатлет. Если решишь дать дёру, догоню за секунду.

Появление этой парочки на стадионе произвело эффект разорвавшейся бомбы. Одноклассники так и застыли с открытыми ртами.

— Офигеть... Наш староста ведь никогда на физру не ходил. Его что, силой притащили?

— Да они вообще друг друга терпеть не могут. Сдаётся мне, рано или поздно дело кончится мордобоем.

— А вы заметили, что наш Линь Цзунцзе, когда выгонял нас из класса, взгляда со старосты не сводил?

Школьники увлечённо перешёптывались, пока Цзунцзе деловито строил класс. Он разбил ребят на две шеренги — отдельно парней, отдельно девчонок, быстро зачитал нормативы и дал команду к старту. Класс дружно рванул с места.

Молодой учитель по физподготовке знатно удивился, увидев на стадионе девятый класс. Обычно отличников было не вытащить на улицу, но поскольку физрук сам тренировал Цзунцзе и был парнем компанейским, они быстро нашли общий язык.

Пощёлкивая секундомером, он подошёл к Цзунцзе:

— Ого, какими судьбами? У вас что, англичанка заболела?

— Да плевать на неё, — отмахнулся Цзунцзе. — Зубрят сутками напролёт. Если их не выгуливать, они же совсем умом тронутся.

— Ну, у них ключевой класс, головой работают. Это тебе бегать положено.

— Голова головой, а физическую форму никто не отменял. Здоровье важнее всего!

— И то верно, — усмехнулся физрук, дружески похлопав его по плечу. Он скользнул взглядом по бегущим ребятам и вдруг нахмурился: — Погоди-ка... Это что, Хань Линь там бежит? А он-то зачем на дистанцию вышел?

— А почему ему нельзя? — хмыкнул Цзунцзе. — Все бегут, и он бежит. Нечего тут привилегии устраивать.

— Да нет же... Насколько я помню, у него порок сердца. Ему категорически нельзя бегать.

Цзунцзе застыл.

«Что?!»

В голове мгновенно образовалась звенящая пустота. Земля словно ушла из-под ног, а пальцы рук сделались ледяными.

— Я точно не мог перепутать, — пробормотал физрук, лихорадочно перелистывая бумаги в своей планшетке. — Он ещё в первый день учёбы принёс мне бланк медицинского осмотра. Я его прямо сюда подколол...

<http://bllate.org/book/18229/1758033>